

Ли Льеж

КУКЛА, ВИСЯЩАЯ
ВНИЗ ГОЛОВОЙ

новеллы

Ли Льеж

**Кукла, висящая вниз
головой. Новеллы**

«Издательские решения»

Льеж Л.

Кукла, висящая вниз головой. Новеллы / Л. Льеж —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854394-4

Вы, конечно, спросите, зачем мы всё это затеяли, Моз и я. Видит Бог, хотел бы я вам ответить. Прикидываться праведниками в нашем положении как-то и не к лицу, однако совсем без оправданий начинать такой рассказ нельзя, иначе вы не почувствуете к нам ни сочувствия, ни симпатии. Можете не верить мне, но всё, что я вам рассказываю — чистейшая правда, и приключилась эта история не далее как в рождественский Сочельник. Не верите мне — спросите у Моза.

ISBN 978-5-44-854394-4

© Льеж Л.
© Издательские решения

Содержание

Дикий волк пустыни	6
Кукла, висящая вниз головой	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Кукла, висящая вниз головой

Новеллы

Ли Льеж

© Ли Льеж, 2017

ISBN 978-5-4485-4394-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дикий волк пустыни

Волк завыл, царапая тишину; звёзды на сиреновом небе начали разгораться. С востока на зубчатые городские стены наваливалась ночь.

Волк был голоден и тяжело дышал после бега. Крепко сбитое тело с широкой грудью опиралось на высокие мускулистые ноги с пальцами, плотно сжатыми в комок. Лобастая и вместе с тем изящная голова зверя была украшена темными полосами вокруг белеющих щек и светлыми пятнами над глазами. Чуткие уши, одно из которых было порвано и висело тряпочкой, вслушивались в безмолвие.

...В той стороне, где рушился в черноту город, ещё трепыхались невнятные звуки: там водоносы бродили по улицам, предлагая запоздалым путникам за медяк утолить жажду, там ещё слышался хохот загулявших бродяг, скрип повозок и конское ржание. С другой стороны, за бороздою пыльных низкорослых кустов, расстилалась залитая багровым предполночным светом пустыня. Ветер мягко скользил по песку, вздымая тончайшую серую пыль, которая быстро оседала и тотчас же взлетала вновь. Волк моргнул, стряхивая попавшую на веко песчинку, и беззвучно повернул голову на север.

Волк мог по несколько дней оставаться без пищи, не теряя способности неутомимо покрывать большие расстояния, но теперь он устал. Шерсть на брюхе свалилась в тяжёлые, липкие комья, между ними набивалась грязь и колючая трава. Это причиняло зверю большие неудобства, но он привык терпеть. Наступив на колючку, он рефлекторно отдёргивал лапу и клыками выгрызал из подушечки засевший в ней инородный предмет, иногда на это занятие уходило по несколько часов. Потом на больную лапу было трудно ступать, но волк не обращал на это внимания. Ему нужно было лишь одно-единственное – тёплое и живое, трепещущее в его мощных челюстях, способное притупить, успокоить голод. Волк чувствовал страх своей жертвы и понимал, что страх насыщает его не хуже дымящейся плоти. Волк был хищником и жил ради охоты, его сознание было маленьким и тёмным, как у новорождённого младенца; если он и думал о чём-нибудь в глубине своей звериной души, то лишь о чувстве невыносимого голода, которое никогда полностью не оставляло его в покое.

О, этот голод, когтистый божок волчьего мира! Днём и ночью он преследует их по пятам, щекотит брюхо, вздыбливает шерсть на затылке при одном лишь дуновении ветерка, принесшего запах жертвы! Всю недолгую волчью жизнь звери верно служат своему господину, в непрестанном беге и нападениях укачивая, убаюкая его. Но голод неутомим и прихотлив: едва затихнув, он возникает снова, и снова, и снова, и сильные лапы снова гонят зверя вперёд, за добычей или за смертью.

Волк уже не раз был ранен и истекал кровью, хрипя и тарашась в равнодушные небеса. Ему давно следовало бы умереть. Всякий раз, однако, что-то спасало его гибели, и раны затягивались, на их месте вырастала новая шерсть, скрывая шрамы. Волк выздоравливал и, мучаясь от неистового голода, снова бросался на охоту. Иногда природная осторожность изменяла ему или голод был слишком силён, чтобы дожидаться благоприятного момента для нападения, – и тогда новые удары сыпались на его бурю шкуру, а однажды вилы земледельца порвали ему бок. Каким-то чудом волк выжил и в этот раз.

Волк хорошо был знаком с людьми. Люди были опасны, к ним приближаться не следовало. В пищу они не годились, – ну, разве что когда ничего больше не удавалось поймать. Всегда можно было разрыть свежую могилу на кладбище за городской стеной, ведь люди умирали так же часто, как звери. Волк не выносил вкуса мертвечины, но не в его правилах было брезговать доступной едой.

Один раз волк решил было напасть на человеческого детёныша, перегонявшего скот. Когда тучное стадо оказалось в загоне, куда волк пробиться не мог, а мальчишка, пастух,

вышел, насвистывая, и задержался у ворот, утонув босыми пятками в пыли, волк спружинился в кустах и приготовился к прыжку. Но детёныш почувствовал его присутствие, остановив взгляд больших, мёртвых от ужаса глаз на дремлющей полоске зарослей. В руках у человека не было ни топора, ни даже палки. Он был абсолютно незащищён.

Никакая мораль не интересовала голодного зверя, но нападать он не стал. Дело было вовсе не в жалости. Просто слева от волка села на землю глупая птица – довольно вкусная птица. Волк набросился на неё и схватил. Крылья трещали и ломались у него в зубах, а мальчишка с громкими криками помчался наутёк, всхлипывая и спотыкаясь.

...Днём волк всегда прятался в зарослях у родника – не у того родника, и которого люди привыкли брать чистую воду, а у другого, илистого и мутного, текущего у северных ворот городской стены. Эти ворота всегда были заперты, и дорога к ним давно заросла. Волк мог не опасаться неожиданных гостей. Урча и жмурясь, он лакал серую воду, и потом долго спал, спрятавшись в тени от палящего дневного солнца. Ночью он просыпался и бродил на границе с пустыней. Это было любимое и лучшее время для охоты: все животные в здешнем климате предпочитали охотиться по ночам. Иногда волки собирались в стаю и нападали на стада, иногда выслеживали слабых, больных животных поодиночке. Охота всегда была связана с риском, но она придавала жизни смысл, ни один волк не согласился бы – не смог бы существовать без охоты.

Этой ночью волк чувствовал себя как никогда старым и измученным, но по привычке не обращал на это никакого внимания. Тяжущее чувство голода в животе перекрывало всё прочее. Тяжело и бесшумно ступая на мускулистых, покрытых короткой шерстью лапах, волк двигался вперёд по земной границе между тьмой и светом, напрягая глаза. С клыков капала на песок вязкая слюна, дыхание с хрипом вырывалось из приоткрытой пасти. Пустыня, постепенно превращаясь из багровой в зелёную, лежала слева от него равнодушной тяжестью. Чёрные стены с бойницами справа целились в свинцовые облака.

Впереди неясно виднелась травяная плешь, на которой этой ночью расположилось овчье стадо. Толстые, вялые, безмозглые овцы медленно бродили друг за другом или тупо лежали, изредка оглашая воздух бессмысленными криками. Прямо на пути голодного зверя росли две старые раскидистые оливы с густыми подушками травы между корней. Волк прокрался к ним и незаметно лёг под сетью паучьих веток. Сегодня он был слишком слаб, чтобы бросаться и хватать не раздумывая. Жизнь не имела для него никакой ценности, но смерть представлялась царством невероятного голода, который невозможно утолить, и волк цеплялся за последние отпущенные ему дни.

У небольшого, но жаркого костерка расположились пастухи. Их было трое: старец, одетый в рваное рубище, сидел, опираясь на сучковатый посох, рядом устроился юноша. Юноша был ещё очень молод и нерасторопен: он не глядел на овец, предпочитая разглядывать звёзды. Он сидел, обхватив колени руками, и блаженно молчал, иногда подкидывая сухую ветку в огонь или обращаясь к старику с каким-нибудь ничего не значащим вопросом. Третий пастух, ребёнок, давно и крепко спал, завернувшись в рогожу.

Ночь сомкнулась над ними бархатным шатром, и в воздухе разлилось сладкое умиротворение. Флегматичные белые псы бродили вокруг стада и принюхивались к ветру. Волк не смог бы справиться с одним из них, а собак было двое. Оставалось надеяться на то, что псы вдруг зазеваются, или какая-нибудь неразумная овца подойдёт слишком близко к неподвижным деревьям. Волк приготовился ждать.

Он ждал почти до полуночи, до полной темноты, озаряемой сверху лишь тусклым мерцанием звёзд. Костёр прогорал, становилось всё холоднее. Дневная жара сменялась по ночам леденящим холодом, приходящим из чрева пустыни. Старик и юноша жались друг к другу и подтягивались поближе к огню, мальчик свернулся в клубок под своей рогожей и тихо, мирно посапывал.

Волк так и не понял, что это было: ночь вдруг взорвалась светом. Крик ужаса, вырвавшийся из груди зверя, превратился в жалкий скулёж, в белом мареве заметались перепуганные псы. Блеяние овец заглушило все прочие звуки. Волк рванулся наутёк, но не смог сориентироваться и ударился головой о ствол равнодушной оливы, чего с ним никогда прежде не случалось. Придя в себя, волк увидел, что вокруг опять распростёрлась ночь, а пастухи, все трое, стоят на ногах перед затухшим костром и ошеломлённо разглядывают друг друга.

– Но, – жалобно произнёс один из них (кажется, это был юноша), – но как же стадо? Что скажет наш хозяин, если мы вдруг уйдём?

Старец смущённо молчал, мальчик в волнении прижимал к груди тонкие руки. Теперь волк узнал его – это был тот самый детёныш, кого он однажды пощадил.

– Мы должны идти, – сказал старик, всей тяжестью опираясь на свою палку. – Нет... вы должны идти. Я слишком стар, мне не под силу такой путь. Я останусь со стадом, а вы идите. Видите? – Он показал рукой куда-то вверх, – Это знак. Царь ждёт вас. Идите, дети.

– Тебе не справиться одному, – смущённо продолжал юноша, – пусть мой брат останется с тобой, пока я...

– Я не согласен! – Звонко крикнул мальчишка, – Я тоже хочу увидеть Царя! Интересно, а какой он будет? Представляю, сколько же на нём золота! А какая корона! А трон, наверное, украшен драгоценными камнями! Пойдём, брат, чего же ты ждёшь?

– Я не могу оставить нашего отца, – сказал юноша.

– Идите! – Твёрдым голосом повторил старик, – обо мне не волнуйтесь. Если вы пойдёте прямо сейчас, то успеете вернуться к рассвету. Вас пропустят через западные ворота.

Посоветовавшись ещё несколько минут, молодые пастухи покинули отца и зашагали по направлению к городу. Волк ощерился, приподнимаясь на лапах: пока всё складывалось удачно.

Старик вздыхал, долго глядя на два удаляющихся от него светлых пятна. Когда фигуры сыновей полностью окутались тьмой, пастух наклонился к прогоревшему костру и поворошил его палкой. Несколько искр вылетели из кучи угольков и почти мгновенно погасли. Убедившись, что костёр потух окончательно, старик обхватил себя руками за плечи и уставился вверх, вытянув худую шею. Волк напрягся: скоро глаза человека привыкнут к темноте, и тогда стянуть у него из-под носа овцу будет не так-то просто.

Время шло; звёзды кружились по небу, собаки благодушно помахивали хвостами, овцы дремали, раскачиваясь на тонких ножках, человек молчал. Волк не понимал, почему псы до сих пор не учуяли его. Он чуял их очень хорошо. Может, дело было в ветре, который дул по направлению к волку, а не от него?.. Так или иначе, а ночь была тиха и темна, и разрушить её спокойствие было никому не под силу.

Внезапно ветер переменялся. Волк удивлённо вскинул голову, почувствовав, как затопорщилась шерсть вдоль хребта. Собаки одновременно остановились и принялись. Человек ничего не заметил.

Волк понял, что опоздал. Теперь собаки знали, что он поблизости. Первыми они не нападут, даже не залают, но если он только посмеет высунуться из кустов, они вонзят в него зубы. Волк тихо, почти беззвучно рыкнул, что выражало крайнюю степень досады. Есть хотелось просто невыносимо.

Несколько лет назад один из его щенков – толстый лысобрюхий волчонок, никуда не годный охотник, – забрёл по глупости на пастбище и сразу же сунулся к пастухам. Волк глядел на это из-за огромных серых валунов, переминаясь с лапы на лапу и хрипя от злости. Пастухи смеялись, с удивлением указывая друг другу на волчонка, потом кто-то из них взял тёплый рыжий комочек на руки, и щенок радостно завизжал, пытаясь облизать новому другу лицо. Тогда волк развернулся и ушёл. Ему было всё равно, что станет с его щенком теперь, когда

малыш попробовал человеческой ласки. Щенок вырастет и инстинкты заставят его быть убийцей, но он никогда не сможет стать хорошим охотником.

Старик у потухшего костра должен понимать, что ему, волку, нет никакого дела до его старческой плоти и сучковатого посоха, валяющегося поодаль. Волку нужна была только еда – одна овца, любая. Если бы человек понимал это, с ним, возможно, удалось бы сговориться. Но человек был недосыгаем, как все люди, и, как все люди, ненавидел волков.

А как же эти лохматые шавки, забывшие свою природу, продавшиеся человеку за ежедневную кормёжку, позволившие надеть на себя цепи? О, с ними волк не желал иметь никакого дела. Он хотел, чтобы они понимали, что достойны только презрения. И они понимали – очень хорошо понимали. Пёс мог кинуться на волка, – брат на брата, – но ни один волк не тронул бы пса. Собаки бесились от сознания своей ущербности и ненавидели волков. Это была застарелая вражда, длившаяся не одно столетие, и победителей в этой войне быть не могло. Когда исчезнет последний волк, собаки превратятся в никудышных изнеженных созданий, перестанут быть нужными людям, и люди прогонят их. Собаки не выживут, потому что разучились жить без человеческой помощи. Они пропадут одна за другой. Тем не менее, волк никогда просто так не напал бы на недо-волка.

Но псы считали по-другому. Они уже не кружили по траве, не обегали стадо, они оставались и неподвижно смотрели на низко склоненные ветви олив. Они не издавали никаких звуков. Волк понял, что они убьют его.

Тогда он позволил себе завывать: тонко, тускло, задыхаясь от ярости. Псы не пошевелились. Старик пастух испуганно вскочил на ноги и схватился за посох. Он не понял, откуда доносится звук, и в растерянности завертел головой.

Скуля и подвывая, волк поднялся на лапы. Хвост загнулся крючком. Волк оскалил пасть, так, что показались малиновые дёсны. Злоба клокотала в нём и рвалась наружу, но это было равносильно гибели. Волк повернулся и пошёл прочь, низко опустив голову, ёжась от унижения, а собаки равнодушно и молча смотрели ему вслед, втягивая ноздрями ветер.

Зверь шёл прямо в пустыню, которая теперь стала тёмно-бурой, как волчья шкура, и оттого не казалась такой чужой. Где-то там, в пустыне, тоже были люди, и нездешние люди, – холодный воздух пах незнакомыми растениями и каким-то горьковатым маслом. Волк шёл спокойно, не таясь, оставляя на гиблом песке еле заметные округлые ямки следов. Он не чувал запаха собак и других волков. В сущности, он сам не знал, почему идёт навстречу людям. Он почти ослеп от голода и рад был любой снеди.

Иногда на его пути попадались чахлые кустики, почти лишённые листвы, но зато усыпанные колючками. Порой в жалких сухих колючках прятались крупные, неповоротливые кузнечики, которые годились в пищу. Волк поймал и съел двоих, сильно напоровшись носом на колючку, но от этого голод лишь встрепенулся, как почуявшая опасность птица. Больше кузнечиков ему не встретилось, зато на горизонте вновь забрезжило пламя костра. Ярко-оранжевая точка высвечивала из черноты силуэт раскинутого шатра и фигуры крупных животных. Волку негде было укрыться, и он подобрался к шатру так близко, как только мог, чтобы остаться незамеченным. Прижавшись брюхом к холодному песку, волк уставился на огонь. Костёр горел ярко, недымно, невдалеке стояли связанные одной длинной верёвкой верблюды и что-то пережёвывали, бессмысленно глядя вниз.

С другой стороны шатра, которая была не видна волку, стояли люди-чужаки. Их было трое, и все они были стариками разной степени старости. Самый старейший из них был высок, строен, рыжебород, его одежда была усыпана украшениями из сотен крошечных зеркал. Когда свет холодных звёзд преломлялся в них, по песку и матерчатым стенам шатра начинали скользить белые блики, напоминающие насекомых. Двое других мужчин были одеты не менее богато, но держались скромно и задумчиво. Первый же не умолкая говорил вполголоса, будто убеждал себя самого:

– Верить или нет предсказаниям эритрейской сивиллы, безумной пророчицы, чьими устами говорят бесплотные? Что если всё, чему мы доселе верили и что почитали за правду – есть искусно выдуманная подделка? Возможно ли, чтоб ошибался величайший из нас?.. А что же Вергилий?

– И Вергилий всего лишь человек, Хаспо, – тихо молвил один из его спутников, поглаживая рукой седую шелковистую бороду, – он мог ошибаться. Если ошибся не он, то ошибся его переписчик. Звёзды же не лгут и не ошибаются никогда. Пророчество наконец свершилось.

– Тогда почему никто, кроме нас, о нём ничего не слышал? – Возразил рыжебородый. – Или мы одни умеем читать повести звёзд? Только мы трое? А как же знаменитые звездочёты вавилонян, которые, как говорят, могут предсказывать смерть с точностью до минуты? Почему мы, а не они первыми пришли в Ерузалем? Ты помнишь сам: когда мы спрашивали простых людей и царедворцев, лавочников и ростовщиков, что они знают о родившемся Царе, они смотрели на нас как на безумных! Не для того мы проделали такой путь, чтобы убедиться в своей ошибке. Но поворачивать назад уже поздно...

– Хаспо, ты мудрее нас обоих, – мягко возразил ему давешний собеседник, – но сомневаешься ты напрасно. Если сам Ирод, правитель иудейский, не знает о рождении Царя, это значит лишь, что Царь вовсе не связан с ним родственными узами, как мы вначале думали. Царь, рождённый при живом царе, вероятно, является Царём в более высоком смысле, чем обычный человек, наделённый властью. Возможно, родился не просто царь... родился Бог!

Рыжебородый старец повёл плечами, как если бы ему вдруг стало зябко.

Вспомни глаза Ирода, когда мы пришли к нему и заявили, что хотим взглянуть на Младенца! Он подумал, что мы смеёмся над ним. Сначала... А потом он покрылся зелёной бледностью и велел нам убираться вон. Ты заметил, как затряслись его руки? Этот человек душевно нездоров. Бедная страна, вынужденная жить под властью такого повелителя.

Чтобы не нашли мы в Уифлиме, обратно придётся идти другим путём, – нарушил молчание третий из странников, до сих пор молчавший, – Я не хочу больше видеть этот город с его царём.

А как он уговаривал нас вернуться! – насмешливо протянул седобородый, – Сперва велел страже чуть не копьями выгнать нас из дворца, а потом его вдруг заинтересовала новость о рождении Младенца, и он сам захотел поклониться Ему! Он даже не умеет врать, этот правитель. Голос его сочился мёдом, а в глазах горела злоба. Он, очевидно, принимает нас за дураков, если думает, что мы поверим его наглым обещаниям смиренно передать венец новому Царю.

В Ерузалем мы не вернёмся, это понятно, – согласился высокий старик, – Но что, если и в Уифлиме мы не сможем найти Царя? Вдруг о Его рождении ещё ничего не известно? Как мы узнаем его среди других младенцев?

Звёзды подскажут, – пожал плечами его собеседник, – та звезда, что зажглась несколько месяцев назад, предвещающая рождение Царя, была самой крупной из всех, что мы когда либо видели. Когда-нибудь она покажется вновь и приведёт нас к Царю...

Разговоры наскучили волку. Обычно он с удовольствием слушал невнятную человеческую речь, напоминающую ему журчание ручья, но это занятие хорошо только на сытый желудок. Волк не понимал, о чём говорили люди, но по тому, как они говорили, он мог легко догадаться, знают люди о его присутствии или нет. Эти люди о его присутствии ничего не знали.

Сонные верблюды жевали не переставая, равномерно двигая челюстями. Верблюдов всего было пять, два самых крупных животных чуть заметно сгибались под тяжестью навьюченных на них тюков. Волк знал, что верблюды равнодушны к волкам столь же, сколь волки равнодушны к верблюдам. Эти звери никогда не враждовали друг с другом. И попросту нечего было делить. Кроме того, верблюды умом не отличались.

Волк обошёл костёр стороной и увидел три фигуры, стоящие в профиль к нему. Старики спорили друг с другом и не видели его. Волк снова втянул носом воздух и учуял множество

новых запахов, незнакомых и неприятных. Эти люди никоим образом не годились в пищу. Пахли они так противно, что у волка не выделялась слюна. Масло, дерево, металл, шерсть, горький пот, – отвратительно.

Люди не везли с собой никакой скот. Любопытно, чем они питались в пути. Волк знал, что люди, как и он, употребляют в пищу мясо, и только на этом зиждилось его к ним уважение. Если бы двуногие предпочитали жевать траву, как овцы, это было бы несовместимо с той ролью, которую они для себя избрали. Миром правят хищники, все травоядные – это жертвы.

Не мигая, волк смотрел на ссорящихся людей. Блестящая одежда одного из стариков сверкала яркими острыми огоньками, это раздражало и тревожило зверя. Когда старик взмахивал руками, по песку и полотняной стене шатра рассыпалась целая стая блёсток. Они были как мухи: так же мельтешили перед глазами, мешая видеть. И от них невозможно было отмахнуться.

Люди продолжали спорить, а волк раздумывал. Он проделал слишком долгий путь, чтобы уйти ни с чем. С другой стороны, старики внушали ему лишь отвращение. Как быть? Голод скручивал внутренности с неодолимой силой.

Лёжа на песке, зверь беззвучно ворчал. До тех пор, пока одно из зеркалец, которыми была украшена одежда странника, не вспыхнуло прямо у него в глазу короткой молнией, как игла, – волк вскочил и хлопнул себя лапой по носу, инстинктивно, будто отгоняя насекомое. И тогда люди заметили его.

– Волк. – Тихо сказал один из старцев, разворачиваясь всем корпусом.

Седобородый сглотнул слюну и ничего не сказал, а рыжий, в зеркальной одежде, не растерялся: бросился к костру, от которого его отделяло около десятка шагов.

Волк замешкался: блёстки слепили его. Он сунулся в сторону, наугад, – и неудачно: люди подумали, что волк собирается напасть на них.

Тогда рыжебородый запустил в него горячей головнёй.

Сухая крепкая ветка, схваченная пламенем, скользнула по шкуре и подпалила шерсть. Волк взвыл от боли и заметался. Он дёрнулся вправо, влево, отовсюду ему мерещился огонь, в морду пахло густым дымом и что-то твёрдое попало под лапы – та самая головня, упавшая на землю. Бешено взвизгнув, волк неуклюже перекувырнулся на песке и бросился бежать, взрывая лапами тяжёлый плотный песок, плача от страха и бессилия.

Он бежал так очень долго, не чувствуя усталости, чувствуя одну только боль и невыразимый ужас, пока обоняние не подсказало ему: пора остановиться. Волк рухнул на землю у самой городской стены. Ещё никогда в жизни он не подходил так близко к городу.

Ему хотелось заскулить, лечь на бок, повернуть голову, языком исследовать рану и долго-долго лежать так, пока не утихнет боль. Но испытаниям не суждено было кончиться: волк был не просто у города, он оказался у самых городских ворот, которые в этот момент медленно открылись. Происходила обычная полуночная смена стражи: из города выходили бодрые, заблаговременно выспавшиеся охранители, а дозорные, обходившие город с начала сумерек, позёывая, спешили вернуться домой.

Волк услышал их голоса совсем рядом, в двух прыжках от себя: молодые вооружённые мужчины шли втроём, возбуждённо переговариваясь и смеясь. Не дожидаясь уже знакомого крика «Волк!», зверь вынужден был вскочить и броситься в единственную поблизости щель – между створками ворот, в город, к домам, к тысячам людей.

Волк был уже немолод, но ещё никогда в жизни он не совершал таких глупых поступков. Зверь понял это, едва под его лапами, привыкшими к рыхлой почве, появилась утоптанная улица, пропитанная сотнями разнообразных запахов. За его спиной раздались сердитые и удивлённые крики: конечно, стража видела его, но, должно быть, приняла за собаку, потому что голоса быстро смолкли. Волк в панике обернулся по сторонам: он был в ловушке.

Со всех сторон высились огромные как горы дома с тёмными окнами, откуда-то доносилось конское ржание, мычание коровы и печальные крики осла. Запахов же было так много, что волк совершенно утратил нюх: он не мог понять, откуда мычит корова и где квохчут куры. Кажется, совсем близко, но где?

Сжавшись в юркую, неприметную тень, волк заскользил по улице, прижимаясь здоровым боком к стене каменного дома. В его голове наступил полный хаос: волк не знал, куда он идёт, зачем идёт, почему не спрячется куда-нибудь. Ему совсем не хотелось умирать. Жизнь была нерадостна, это правда, но смерть замерцала вблизи какой-то ужасной тайной, чёрной дырой, зловонной пропастью, где будет только страх, боль и ещё раз страх, а ручьёв и овец не будет. Нет, со смертью нужно воевать, нужно вырывать у неё жизнь до последней секунды, до последнего мига. Волк не знал, почему это так, но знал, что так и есть, это закон, спорить с которым бессмысленно. И теперь, усталый, голодный, больной, едва не падающий от одиночества и страха, волк упрямо шёл вперёд, как шёл всю свою жизнь, подгоняемый отчаянием и злостью.

Рассвет долго лежал за стеной горами светлого небесного хлопка, но вот прорези бойниц загорелись зеленью, и город медленно, едва заметно начал оживать. Волк добрёл до маленького дощатого сооружения, похожего на большой деревянный короб, но с дырой, достаточной, чтобы в неё втиснуться. Волк так и сделал. В коробе ему удалось разместиться целиком. Там была жестяная миска для еды – пустая. И огрызок цепи.

Высунув голову наружу, волк увидел всё то же чёрное небо с звёздами, многие из которых уже начинали бледнеть и растворяться, предсказывая начало утра. В конце улицы появился немолодой мужчина среднего роста, очень усталый и очень куда-то торопящийся. Подойдя к дому, возле которого спрятался волк, мужчина принялся стучать в дверь, сперва робко, потом всё настойчивее и настойчивее.

В маленьком окошечке зажёгся свет, и ему отворили, но не пустили внутрь.

– Что вам ещё? – Послышался сердитый женский голос, густой, будто смазанный маслом, – я же сказала, что все места заняты!

– Моя жена вчера родила, – быстро заговорил мужчина, стараясь быть и вежливым, и убедительным одновременно, хотя голос его дрожал от усталости, – вы должны пустить нас. Есть у вас сердце? Подумайте сами: женщина, с новорожденным, без всякого крова... в хлеву...

– И куда я вас размещу? – Без особого сочувствия поинтересовались за дверью, – не хотите жить в хлеву – устраивайтесь под лестницей! Другого места нет, и не просите!

– Вы говорили, что один из ваших постояльцев уезжает с рассветом, – тихо сказал мужчина, берясь за ручку двери с самым решительным видом, – вы же не солгали?

Последовала пауза.

– Есть каморка наверху, – сказал женский голос недружелюбно, – уж не знаю, как вы там разместитесь... втроём.

– Благодарю вас! – Мужчина выпрямился, его лицо разгладилось и посветлело, – Я сейчас приведу жену. Не... не запирайте дверь.

– Плата вперёд! – Буркнула хозяйка, удаляясь.

Волк положил голову на лапы. Его убежище было тесным, но давало возможность рассмотреть рану: рана, к счастью, была невелика. Шерсть опалена до самой кожи, но кожа почти нетронута, лопнула только в одном месте, и кровь уже начинала запекаться. Волк вздохнул и задремал.

Сквозь дремоту он видел, как к двери гостиницы подошёл давешний мужчина, бережно придерживающий молодую женщину в длинном тёмном покрывале, с ребёнком на руках. Волк заворочался: ему вдруг начали сниться его волчата, и особенно тот, лысобрюхий, которого он отдал людям, смешной бестолковый кутёнок, лижущий руки своих врагов. Приснилась рыжая волчица, хватавшая малышкой за загривок, чтобы отнести их куда-нибудь, и то беспомощное нежное тьякканье, которое когда-то было частью его жизни. Волк приоткрыл подёрнутые плён-

кой глаза и увидел, что женщина с младенцем смотрит прямо на него. Что-то такое было в её лице, чего волк не мог вынести: он сжался, заскулил и забился в угол.

Когда окончательно рассвело и на красную землю возле конуры легло солнечное пятно, волк опять услышал толстый голос хозяйки гостиницы:

– Что это вы такое несёте? Куда вы?

– Я хотел спросить вас, где вы держите свою собаку, – мягко ответил ей мужской голос, – жена вчера заметила, что у вашего пса очень голодный вид, и мы подумали...

– У нас нет собаки. – Резко отозвался женский голос. – Сбежала. Вашей жене что-то привиделось.

Потом солнечное пятно перечеркнули две длинные неширокие тени: мужчина остановился у самой конуры и, с трудом нагнувшись, заглянул внутрь.

Волк прижал уши к голове и сидел, не шелохнувшись.

– Гм, в самом деле, собака, – с ноткой удивления в голосе сказал мужчина, – ты вернулся, дружок? Давай обрадуем твою хозяйку?

Волк смотрел на него, не мигая.

– Странная порода, – вполголоса добавил мужчина, – и совсем не ручной... сразу видно, что кормят тебя не в досталь. Вот, поешь!

И поставил на пол перед волком большую миску, полную костей.

Волк втянул носом воздух и заворчал. Принимать еду из рук человека... Но желудок тут же свело судорогой: волк накинулся на кости с хрипом, едва не ломая зубы, побеждаемый голодом.

– Бедняга, бедняга, – жалостно пробормотал мужчина, и сделал невозможную вещь: протянул руку и потрепал волка по загривку.

Если бы волк мог плакать, из его глаз должны были бы хлынуть слёзы: от счастья, от презрения к самому себе. Но плакать, будучи зверем, он не умел. В одну минуту он сгрыз все кости, обглодал их своими крепкими зубами и рухнул мордой на землю, сопя.

Мужчины рядом уже не было, он ушёл. Волк дышал тяжело и поминутно жмурился, будто отгоняя какое-то навязчивое воспоминание.

...Дождавшись темноты, волк выскользнул из конуры и пошёл прочь, искать выход. Сверху, из маленького окошка, расположенного в углу чердака, на волка смотрела сквозь слюдяную пластину задумчивая молодая женщина, но волк не имел привычки часто задирать голову и не увидел её. Город был пустынен. Повинуясь неведомому зову, волк нашёл городские ворота и сумел спрятаться неподалёку, и сумел проскользнуть в щель, когда сменялась стража. Он снова услышал крики, но не обратил на них никакого внимания.

Отбежав на порядочное расстояние, волк взобрался на пологий песчаный холм и завыл. Как нарочно, прямо над ним в это время остановилась луна, плоская и далёкая, а тишина вокруг стала казаться мохнатой и сонной. И ни одного пятнышка света не было в сгустившейся под лунной черноте, и ни один шорох над этим воем не нарушал тишину, и ни одной живой души не было рядом.

Позади него, над одной из обычных городских крыш, над окном, в котором теплился тихий оранжевый свет, появилась в полночь звезда, будто вынырнула из бездны, и три старика в восточных одеяниях, заметив её из пустыни, убрали шатёр и двинулись в путь.

Кукла, висящая вниз головой (добрая сказка)

Вы, конечно, спросите, зачем мы всё это затеяли, Моз и я. Видит Бог, хотел бы я вам ответить. Прикидываться праведниками в нашем положении как-то и не к лицу, однако совсем без оправданий начинать такой рассказ нельзя, иначе вы не почувствуете к нам ни сочувствия, ни симпатии. Если верить той статейке в Сан, люди редко дочитывают до конца истории, главные герои которых им несимпатичны. Если вы, как большинство современных людей, страдаете нехваткой времени, лучше бы вам, пожалуй, и не браться за этот рассказ, так как вы не найдёте в нём ничего полезного для своего читательского кругозора. «Фи, – скажете вы, перевернув последнюю страницу, – всё это так скучно, и к тому же такая чушь!» Можете не верить мне, но всё, что я вам рассказываю – чистейшая правда, и приключилась эта история не далее как в рождественский Сочельник. Не верите мне – спросите у Моза.

Итак, меня зовут Чарли Браун, моего друга – Моз Хантер, и ранним утром 24 декабря 1898 года мы решили ограбить Лиловый особняк на Литтл-стрит. Докой по части новых затей в нашей парочке всегда был Моз, так что его первого и осенило.

– А что, старина, – проговорил Моз, делая большой глоток пива из оловянной кружки, – не почистить ли нам тот миленький розовый домик? Бетт Фокс, тамошняя служанка, говорит, что хозяйева вместе с детьми приглашены на праздник к старому судье Миду. Дом будет пустовать всю ночь... И ещё я знаю, под каким цветочным горшком хозяин держит ключ от задней двери. Как тебе мысль, а?

Мы сидели в пивнушке на набережной: на последние гроши я купил нам по кружке дешёвого пива и пакет каштанов. Так себе еда, но лучше, чем ничего.

– Грабить в Рождество – это пошлость, – вяло откликнулся я, сколупывая с каштана тёплую скорлупу, – и не только пошлость, а, пожалуй, ещё и богохульство.

Меня окатило морозным ветром из распахнувшейся двери, и я поёжился под своим пальтишком. Моз запустил красные руки в карманы.

Зима в этом году выдалась страшно холодной: Темза впервые за несколько десятилетий покрылась льдом, мостовые замёрзли, а дворникам приходилось каждое утро долбить лопатами слежавшийся снег на улицах. По ночам мело, по утрам сквозило, днём запах лакрицы из аптечных лавок отдавал насморком и ангиной, а вечерами на Лондон падали такие тоскливые сумерки, что, казалось, конца этому безобразию не придёт никогда. Быть бездомным вообще скверно, но не иметь крыши над головой в огромном замёрзшем городе – это, я считаю, худшее испытание из всех, что Господь посылает человеку. Вот, допустим, мы схватим простуду – или я, или Моз, или мы оба вместе. И что тогда? Чья добрая рука протянет нам кружку с отваром шиповника или шоколадом? В чьём доме сможем мы найти услужливо разведённый огонь в камине, грелки в постелях и порцию хинина на завтрак? Ха-ха! Умирать в лондонских потёмках – это отвратительно, господа, это отвратительно, это гораздо отвратительнее того небольшого проступка, который мы намеревались совершить. Впрочем, кажется, я уже начинаю оправдываться.

Несмотря на моё возражение, Моз отлично понял, что я в конце концов соглашусь. Я всегда с ним соглашался, понимая, что без Моза пропаду. Что я, я – неудавшийся поэт, всю свою недолгую юность пробарахтавшийся в душных объятиях Вордсворта, Теннисона и Шелли, бездельник, чьи стихи не приняли ни в одном издательстве. Я ноль, я ничтожество, я съёжившийся от ветра лист, рано отлетевший от древа великой британской литературы. Я нежизнеспособен. Вот Моз – другое дело. Видели бы вы, как он играет в карты – последние несколько месяцев мы только благодаря этому и выживали. К сожалению, слава шулера уже шла впереди него,

и редкий дурак садился с ним теперь за карточный стол. Моз не унывал, он был сыном докера и знавал ещё не такие тяжёлые времена. Он весёлый парень. Но, похоже, в этот раз мы крепко засели на мели, и даже карты наше финансовое положение не поправят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.